

СУХОЙ ОСТАТОК

МАКСИМ ВЕСУЛ

Максим Весул

Сухой остаток

«Автор»

2026

Весул М.

Сухой остаток / М. Весул — «Автор», 2026

При проверке очередной партии зерна помощник биолога Льва Рудина замечает расхождения в результатах анализов. Лев задерживает приёмку. Он надеется быстро разобраться, однако повторные исследования дают основания оставить склад закрытым. Запасов в городе осталось меньше чем на месяц. За поставку уже заплачено будущими работами, и её задержка грозит сорвать другие договоры. Елена, жена Льва и глава городского управления, ищет возможность принять груз, пока лаборатория продолжает проверку. Лев отказывается подписывать разрешение. Вскоре выясняется, что сомнительные продукты поступали и раньше. Попытки установить их происхождение приводят к торговому посреднику, который как раз предлагает Елене помощь в обмен на право распоряжаться городским снабжением.

© Весул М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Оглавление	6
Часть первая	7
Глава 1	8
Проба	8
Глава 2	12
Обеспечение	12
Глава 3	16
Чужая точность	16
Глава 4	20
Цена допуска	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сухой остаток

Глава

Сухой остаток
Научный триллер
16+
Максим Весул

Оглавление

Глава 1	Проба
Глава 2	Обеспечение
Глава 3	Чужая точность
Глава 4	Цена допуска
Глава 5	Разные мешки
Глава 6	Допуск
Глава 7	Чистый посев
Глава 8	Склад на восточной линии
Глава 9	Сорок граммов
Глава 10	Зимняя цена
Глава 11	Сухая печать
Глава 12	Дорога в Кремницы
Глава 13	Контрольная добавка
Глава 14	Сахарный остаток
Глава 15	Вес документа
Глава 16	Торговый час
Глава 17	Свой склад
Глава 18	Нагрузка
Глава 19	Пойма
Глава 20	Чужие отруби
Глава 21	Право остановки
Глава 22	Дата осведомления
Глава 23	Второй экземпляр
Глава 24	Матвей
Глава 25	Окно связи
Глава 26	Перекрёстный зачёт
Глава 27	Общая партия
Глава 28	Открытое заседание
Глава 29	Отказ
Глава 30	Удельная цена
Глава 31	Первый сезон
Глава 32	Почва
Глава 33	Резерв
Глава 34	Второй урожай
Глава 35	После собрания
Глава 36	Сухой остаток
Глава 37	Открытая карта

Часть первая

Приёмка

Глава 1

Проба

В семь утра Матвей принёс мне результаты, которые не хотел оставлять до восьми.

Я ещё не снял пальто. В кабинете было холоднее, чем на лестнице: ночью отключили отопление северного крыла, а окно над моим столом кто-то закрыл на одну защёлку. Между рамами лежаладохлая оса. Я заметил её ещё в сентябре и с тех пор всякий раз вспоминал об уборке, когда до окна было не добраться за папками.

Матвей держал журнал обеими руками.

— Ты ел? — спросил я.

— Нет.

— Тогда сначала скажи, что случилось. Завтракать после этого я, вероятно, тоже не захочу.

Он не улыбнулся. Положил журнал на стол, развернул ко мне и придержал страницу пальцем. На суставе у него засохла синяя краска от складских печатей.

В понедельник в Нижний Узел пришли четыре вагона пшеницы. Отправителем значился Велес, поручителем — торговый дом «Контур». Документы я видел накануне: влажность в пределах нашего допуска, натура хорошая, первичная проверка по основным показателям пройдена. До окончательного заключения зерно полагалось держать отдельно.

Я помнил эту поставку ещё до прихода вагонов. Её обсуждали в управлении всю весну: запчасти для сушильной линии в обмен на зерно после уборки. Наши мастера восстановили два привода, которые в Велесе не могли запустить третий сезон. Елена вернулась с переговоров довольная, положила договор на кухонный стол и сказала, что зимой впервые не придётся покупать по последней цене.

Я тогда проверил только приложение о качестве. Нашёл неудачную формулировку, попросил исправить. Исправили. На этом моя предусмотрительность закончилась.

Теперь на том же столе в кабинете лежал журнал, и я никак не мог связать аккуратную весеннюю папку с выражением лица Матвея.

На странице стояли три числа. Последнее было подчёркнуто.

— Один и тот же экстракт? — спросил я.

— Нет. Разные навески из одной лабораторной пробы.

— Контроль?

Матвей перевернул лист.

Я посмотрел контроль, дату приготовления растворов, время измерений. Всё выглядело прилично. Это раздражало сильнее, чем явная ошибка.

— Кира делала?

— Первую. Вторую я. Третью тоже я, но с новой экстракцией.

— Почему третью?

— Потому что вторая не понравилась.

— Это я вижу. Почему не понравилась первая?

Он подвинул ко мне маленькую фотографию. На ней была горсть пшеницы в белой кювете. Несколько зёрен выглядели щуплыми, заметно тоньше остальных. По снимку я не взялся бы отличить повреждение грибом от десятка других причин.

— Кира сказала, при размоле запах странный.

— А ты решил проверить токсин по запаху?

— Я решил проверить её работу.

Это был хороший ответ.

— У тебя есть объяснение? — спросил я.

— Несколько.

Он показал листок, вложенный в конец журнала. Почерк был мелкий, без привычных стрелок. «Неоднородность. Деление. Экстракция. Реагент. Ошибка чтения». Возле двух пунктов стояли галочки, но не зачёркивания.

— Галочка значит проверено или подтверждено?

— Что начал проверять. Знаю, неудобно. Исправлю обозначения.

Я вернул листок.

Его аккуратность иногда казалась мне медлительностью. В прошлом месяце мы поспорили из-за воды из нового колодца: я хотел быстрее выдать промежуточное заключение, он требовал пояснить, какие показатели ещё не готовы. В результате заключение вышло на день позже. Колодец открыли через неделю, после исправления оголовка. Спор об одном дне я запомнил, протекающий оголовок — почти забыл.

Я снял пальто и повесил его на спинку стула. Плечи сразу заныли от холода.

— Покажи всю пробоподготовку. С самого мешка.

Лаборатория занимала второй этаж бывшего института ветеринарии. От института нам достались вытяжные шкафы, библиотека, два работающих хроматографа и несколько помещений, в которые мы старались не заходить: там лежало оборудование, которое некому было чинить. Масс-спектрометр в дальней комнате по описи числился исправным. Мы три года не могли обеспечить ему всё необходимое для надёжной работы и потому не включали. По описи это выглядело почти как богатство.

Утреннюю смену начинали пять человек. Двое умели выполнять привычные анализы, пока ничего не шло вразрез с инструкцией. Кира училась четвёртый месяц. Сава пришёл из ремонтных мастерских и пока путался в химических названиях, зато аккуратно разводил растворы и подписывал пробирки лучше меня. Матвей понимал, когда инструкцию пора отложить и открыть исходную методику.

У меня до Распада было два диплома: по микробиологии и по вирусологии. С тех пор круг моих обязанностей расширился до всего, что могло испортить воду, хлеб или жизнь человека, который их употребил. Дипломы висели дома в коридоре. В лаборатории я держал справочники.

Кира стояла возле мельницы, сложив руки за спиной. Такое положение рук обычно означало, что кто-то заранее признал себя виноватым.

— Пока никто ничего не испортил, — сказал я. — Рассказывай.

Она рассказала. Сначала слишком быстро, потом медленнее. Матвей не вмешивался.

Измельчённый материал она перемешала плохо. Взяла навеску сверху, там, где порошок выглядел ровнее. Мы нашли это за десять минут.

Я почувствовал облегчение и тут же на себя рассердился.

— Значит, ошибка моя? — спросила Кира.

— Ошибка в подготовке есть. Значит ли это, что зерно хорошее, мы ещё не выяснили.

Матвей поднял глаза.

— Я хотел то же самое сказать.

— Не отказывай себе в следующий раз.

Мы начали заново. Обработали оставшийся материал по принятой методике, тщательно перемешали, проверили деление пробы. Я велел готовить параллельные навески. Киру оставил у стола, хотя она явно надеялась, что её отправят мыть посуду.

— Смотреть будешь ты. Потом сделаешь сама.

Пока шла подготовка, я просмотрел протокол отбора на станции. Пробы собирали наши люди при разгрузке, из потока, по установленному графику. Документ был заполнен без сокра-

щений. Начальник смены Чернов даже указал остановку транспортёра на двадцать три минуты. Раньше он записывал «недолго», пока мы не поссорились при свидетелях.

На втором листе я заметил номер силоса.

— Зерно точно отдельно?

Матвей кивнул.

— Четвёртый. Заслонка под пломбой. На мельницу не ушло.

Я набрал склад. Чернов ответил сразу, словно сидел возле аппарата.

— Держи четвёртый закрытым до моего звонка.

— Он и так закрыт.

— Теперь это распоряжение.

— Ты понимаешь, у меня после обеда ещё состав?

— Понимаю.

— Куда я его поставлю?

Я посмотрел на Киру. Она отмеряла растворитель, следя за мениском так напряжённо, что не заметила моего взгляда.

— Сначала узнаем, что лежит в четвёртом.

Чернов помолчал.

— Бумагу пришли.

Я пообещал.

К одиннадцати результаты повторных определений согласовались между собой гораздо лучше. И мне они тоже не понравились.

Наш быстрый метод был скрининговым: годился, чтобы выделить подозрительную пробу и решить, что проверять дальше. У него имелись погрешности и ограничения, особенно на сложной смеси. Он не давал мне права уверенно назвать всю поставку опасной. Подписать разрешение на использование он тоже не позволял.

Матвей сел на табурет.

— Дезоксиниваленол?

— Подозрение. Нужна подтверждающая химия.

— Гриб нашли?

— Ещё нет.

Сава, менявший пакет в контейнере, задержался у двери.

— Если гриб не вырастет, можно выпускать?

— Нет, — ответил Матвей.

Сава посмотрел на меня: от начальника он ожидал более удобного решения.

— На старой кухне может не остаться повара, — сказал я. — Это ничего не говорит о том, что он успел положить в кастрюлю.

— То есть яд остаётся?

— Некоторые вещества остаются. И мы пока проверяем именно вещество. Посев отвечает на другой вопрос.

Сава задумался.

— А если выпечь?

— Обычную выпечку надёжным способом обезвреживания такого зерна считать нельзя.

Он кивнул и ушёл. Матвей потёр переносицу.

— В столовой уже спрашивают, когда выдадим муку.

— Эту не выдадим, пока не разберёмся.

— Я им так и сказал.

Мы оба знали, что после этого решения вопрос выйдет из лаборатории.

В половине двенадцатого позвонила моя жена.

— Лев, почему у меня на столе уведомление о задержке ста двадцати тонн?

В трубке шуршала бумага. Значит, она не в малом кабинете, а в зале совета. Там стоял старый аппарат с длинным проводом; Елена ходила с трубкой вокруг стола, когда читала особенно неприятные документы.

— Потому что я задержал сто двадцать тонн.

— Основание?

— Подозрение на микотоксин. Подтверждаем.

— Когда будет ответ?

Я посмотрел через стекло на лабораторию. Кира переписывала журнал набело; Матвей её остановил, что-то показал в первой записи. Ошибочные результаты полагалось сохранять с пояснениями. Красивый журнал стоил дешевле полезного.

— Точный срок скажу после запуска хроматографа.

— У тебя до пятницы.

— У вещества нет нашей пятницы.

— У нас есть договор.

Я услышал, как она отодвинула стул.

— Приходи на совет в три. С результатами, ограничениями и тем, что ты предлагаешь делать. Все три вещи, пожалуйста.

Она отключилась.

Матвей вошёл без стука.

— Ещё одно.

Я протянул руку за журналом, но он положил передо мной две накладные.

— Это прошлая неделя. Я поднял архивные пробы.

— Зачем?

— Проверить, не начала ли Кира путать всё раньше.

— И?

— Кира ни при чём.

Во второй накладной стоял другой город. Другой поставщик. И тот же поручитель.

Я подвинул к себе телефон.

— Позови заведующую столовой. Пусть пока ничего не выбрасывает. Особенно документы.

Глава 2

Обеспечение

В зал совета меня пропустили с двумя папками и не пропустили с термосом.

— Новый порядок, — сказал дежурный.

— Отравления боитесь?

Он узнал меня и покраснел.

— Бумаги обливают.

Пришлось оставить термос возле его локтя. На дне оставалось полкружки вчерашнего чая, но к трём часам и это стало потерей.

Зал раньше был школьным актовым. Паркет сохранился только вдоль стен, где ходили реже. В центре его заменили досками. На возвышении стоял длинный стол, в первом ряду сидели заведующие службами, дальше — представители кварталов. Над дверью висели часы с разными стрелками: минутную вырезали из жести, часовую оставили родную. Часы шли точно, если не смотреть на них снизу.

Елена сидела рядом с начальником станции. Волосы убрала в пучок, на рукаве серого жакета виднелось белое пятно. Утром я чинил кухонную полку и оставил гипсовую пыль на спинке её стула. Она, вероятно, ещё не заметила.

— Лев Андреевич, — сказала она. — По четвёртому хранилищу.

Я раскрыл папку.

— Партия изолирована. Скрининг показал основания для подозрения на превышение нашего допуска по дезоксиниваленолу. Идёт подтверждающее исследование. Есть вопросы к двум предыдущим поставкам. По ним пока недостаточно данных.

— Люди заболели? — спросили из второго ряда.

— У меня нет сведений, позволяющих связать заболевание с этими партиями. Врач проверяет обращения.

— Тогда зачем остановка?

Говорил Сорокин, представитель западных мастерских. Его рабочие получали усиленный паёк, и он каждый месяц доказывал, что паёк следует усилить ещё.

— Чтобы не ждать заболевших для проверки.

— Ты сам сказал: данных недостаточно.

— Для заключения по старым партиям. Новую я предлагаю оставить под запретом до подтверждения.

Елена подняла ладонь, останавливая следующий вопрос.

— Что нужно лаборатории?

— Стабильное питание приборной. Люди на повторный отбор. Доступ к документам о движении партий. И сохранение всех остатков спорного зерна отдельно.

Начальник станции Берестов тяжело повернул голову.

— Отдельно у нас сейчас четвёртый силос. Второе помещение занято семенным. Третье ремонтируется. Ты хочешь остановить разгрузку целиком?

— Я хочу исключить смешивание до выяснения.

— Этим предложением разгрузку и останавливают.

Он не сердился. Просто называл одно и то же действие словами своей профессии.

Елена велела принести ведомость запасов. Секретарь положила её между нами.

В чистом остатке город имел двадцать шесть дней обычного зернового довольствия. При сокращении выдачи — больше, но лишь на бумаге всё население могло одинаково легко

перейти на меньший паёк. В больнице, детском доме и ремонтных бригадах арифметика была другой.

— Местный урожай? — спросил я.

— Учтён. Семенной фонд отдельно. Его в еду не переводим, — ответила Елена.

Сорокин вздохнул так, чтобы это услышали сзади.

— До следующей поставки успеваем.

— Если она будет, — сказала Елена.

В зале стало тише.

Она повернула ведомость ко мне. Под последней строкой от руки стояла сумма обеспечения.

До Распада Нижний Узел обслуживал железную дорогу и каскад малых гидростанций. От государства нам достались ремонтные цеха, плотина, несколько пригородных хозяйств и земля, большая часть которой без осушения годилась разве что для прогулок в сапогах. Мы меняли электричество, работу станков и ремонт оборудования на продовольствие. За последние годы город научился жить немного лучше, чем позволял урожай его полей.

Этой весной Елена заключила договор на зерно вперёд, оплатив часть будущими ремонтами и зимней поставкой энергии. Ей удалось зафиксировать цену до того, как она поднялась. На общем собрании это встретили аплодисментами. Я тоже хлопал.

— Если мы не принимаем товар, — сказала она, — поручитель требует решения по претензии. Если доказательств недостаточно, задержка считается нашей. Через трое суток они вправе пересчитать обеспечение.

— Что именно они получают?

— Дополнительный объём энергии. Или право зачёта части ремонтных работ в счёт долга. Не станцию, если ты об этом.

Я и в самом деле подумал о станции.

— А пока спор рассматривают?

— Новые отгрузки могут задержать. Формально — из-за недостаточного обеспечения.

Берестов подвинул ко мне листок.

— И вагоны за простой тоже кто-то оплачивает.

На листке было меньше строчек, чем в моём протоколе, и каждая стоила существенно дороже.

— Хорошо, — сказал я. — Дайте независимого наблюдателя на отбор и исследование. Опломбируем разделённые пробы. Одну оставим на случай спора.

— Кто будет независимым? — спросил Сорокин. — У нас начальник лаборатории женат на главе управления.

Я поднял голову.

Елена смотрела прямо на него.

— Поэтому я не буду утверждать заключение мужа. И он не будет утверждать своё заключение сам.

Она произнесла это спокойно. Я знал, сколько труда ей стоит такой голос.

— Решение по выпуску партии предлагаю передать временной комиссии: врач, представитель кварталов и инженер, не подчиняющийся продовольственной службе. Лаборатория представляет данные. Торговая служба — последствия вариантов. Заседание открытое.

— А если они разрешат выпуск? — спросил я.

— Ты сможешь занести возражения в протокол.

— И всё?

— И потребовать повторной проверки по установленному основанию. Но не бесконечно продлевать задержку одним своим подозрением.

Я закрыл папку. Затем открыл снова: среди листов осталась ведомость, которую я ещё не показал.

— Сейчас основания уже есть.

— Их и представишь.

Она предлагала процедуру, с которой я согласился бы, если бы лабораторией руководил кто-нибудь другой. От этого предложение легче не становилось.

— При условии, что результаты останутся в протоколе полностью. Вместе с неопределённостью и моими возражениями. Без пересказа торговой службы.

— Согласна.

Из коридора донёсся шум. Секретарь приоткрыла дверь: в школу пришли за аварийным запасом топлива. Помещение делили три службы, и заседание совета никого не избавляло от остальных дел.

Я видел через щель пожилую женщину с талоном. Она говорила, что её номер записан неверно. Дежурный пытался объяснить, что исправление выдаёт другое окно. Здесь, в тёплом зале, мы обсуждали десятки тонн; за дверью человек не мог получить два ведра угля.

Елена велела передать талон секретарю после проверки и продолжила заседание. Раньше я называл бы это показной мелочью. Теперь подумал, что для той женщины именно заседание было фоном.

— Прежде чем примем порядок, — сказала Рая из третьего ряда, — кто будет объяснять решение людям?

Я ответил, что лаборатория подготовит заключение.

— Я не про бумагу. Кто выйдет к распределителю?

На несколько секунд все замолчали.

Елена назначила встречу на следующий день. Меня включила без вопроса. Я не возражал, но в голове немедленно начал считать часы, которых из-за этого не хватит в приборной.

Матвей, сидевший у двери с запасной папкой, поймал мой взгляд и чуть кивнул: разберётся.

Секретарь записала.

— И имя отборщика в каждой пробе, — добавил я. — Нам нужна прослеживаемость.

Сорокин откинулся на спинку стула.

— Может, заодно подпись каждого зерна?

— С подписью торгового дома пока тоже не всё ясно.

Елена бросила на меня короткий взгляд. Я понял: по существу или замолчи.

Я разложил накладные.

— В трёх поставках два отправителя. Один поручитель. В старых партиях проверка ещё идёт. Я не утверждаю, что это нарушение. Прошу запросить исходные протоколы и документы, по которым партии формировались.

— Запросим, — сказала она. — На сегодня четвёртый остаётся закрытым. До завтра комиссия должна получить промежуточное заключение. Остальные ограничения вводим по конкретным партиям. Не по названиям городов.

На этом она была права.

Когда заседание закончилось, я забрал термос. Дежурный подвинул его ко мне с виноватым видом.

— Чай холодный, — сказал он.

— Был такой и при сдаче.

На лестнице меня догнала Елена.

— Ты поедешь в лабораторию?

— Да.

— Ключ у тебя?

Я похлопал по карману.

— Дома хлеба нет. Возьми в распределителе по нашей карточке. Только не забудь её опять на работе.

Я посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего. Возьму.

Она заметила пятно на рукаве и попробовала стереть ладонью. Пятно стало больше.

— Это твоё?

— Полку доделывал.

— Доделал?

— Почти.

— Значит, вечером не ставить на неё тяжёлое.

Её уже звали от дверей зала. Она сжала мне локоть и вернулась.

В лаборатории Матвей сидел над схемой разгрузки.

— Ну что, разрешили?

— Проверять — да. Решать вместо всех — нет.

— Разумно.

— Ты мог бы хотя бы минуту побыть на моей стороне.

— Я уже с шести утра на твоей стороне. Теперь посмотри сюда.

Он развернул схему. Четыре вагона. Последовательность разгрузки. Подписанные номера проб.

— Что ты видишь?

— Наши пробы отбирались нормально.

— Да. А сертификат отправителя?

Я сверил номер.

В сертификате стоял один номер партии. В приложениях к путевым документам — четыре исходных складских номера.

— Объединённая партия, — сказал я. — Так бывает.

— Тогда где документ об объединении?

Я ещё раз пролистал папку.

Документа не было.

Глава 3

Чужая точность

Днём я зашёл в архив бывшего института. Нужную методику нашли не в шкафу, где полагалось, а в папке с инструкциями к давно списанному оборудованию.

Библиотекарь Ада позволила взять её под расписку. Отдельно спросила, верну ли с карандашными пометками.

— Постараюсь без.

— Лучше с ними. Только дату ставьте. Иногда ваша ошибка через год полезнее пустого поля.

На обложке уже были заметки трёх человек. Один предупреждал о неудобной посуде, другой исправлял перевод термина. Третий оставил вопрос о проверке, которую тогда не смогли сделать. Вопросу было двадцать два года.

Я вспомнил автора почерка — преподавателя, у которого учился на первом курсе. Не стал выяснять, где он теперь. На этой странице он всё ещё спорил с методикой достаточно ясно, чтобы я мог продолжить.

В читальном зале занимались двое подростков. Переписывали таблицы вручную, потому что на печать не было разрешения. Я спросил, для чего.

— На водную станцию, — ответила девушка. — Там тетрадь промокла.

Я предложил снять копию в лаборатории вместе с нашей работой. Ада подняла голову:

— Сначала проверьте издание. Они взяли старый вариант, новый на соседней полке.

Подростки переглянулись. Я положил рядом две книги. Изменения оказались не во всём, но там, где менялись, могли иметь значение.

Остаток часа ушёл на сравнение. Я злился на потерянное время, пока не понял: для водной станции этот час был такой же частью безопасности, как наш анализ для зерна.

Когда вернулся в кабинет, Матвей спросил, где я пропадал.

— Учился не брать первую подходящую книгу.

Он протянул журнал.

— Отлично. Теперь то же самое с первой подходящей версией.

К вечеру я уверился, что разгадка лежит в бумагах. Это было приятно: бумага не требовала исправного насоса и запаса чистого растворителя.

Мысль продержалась до половины десятого.

Матвей сидел за прибором, я — за соседним столом. Свет над вытяжкой не горел: лампы сняли для комнаты посевов. Узкие тени от штатива лежали на записях, и я всё время принимал одну из них за зачёркивание.

Велесий сертификат описывал большую исходную партию. Наши вагоны составляли её часть. Это само по себе не нарушало договор, если происхождение и однородность подтверждались. Но вместо журнала формирования нам передали только итоговую выписку.

— Они могли отобрать хорошее зерно для сертификата, а прислать другое, — сказал я.

Матвей не отрывался от экрана.

— Могли.

— Или вывели со склада верхний слой. А потом отправили нижний под тем же документом.

— Тоже могли.

— Тебя что-нибудь смущает?

— Мы ещё не знаем концентрацию подтверждённым методом. А ты уже распределил роли.

Я потянулся к термосу и вспомнил, что оставил его в пальто.

— Я перебираю версии.

— Тогда запиши ещё одну: исходную партию проверили честно, но плохо.

Я записал. Матвей посмотрел, действительно ли я это сделал.

— И ещё: наша проба не представляет всю поставку.

— Её отбирали из потока.

— Да. Поэтому она лучше горсти из мешка. Но это не делает её всей поставкой.

Ему было двадцать семь. Когда государство перестало существовать как единое целое, он учился в начальной школе. Мне иногда казалось, что из-за этого он слишком доверяет сохранившимся правилам. В другие дни я замечал, что сам доверяю им только до того момента, пока они не мешают моей версии.

— Хорошо. Ещё один отбор. При перегрузке, с разделением по исходным вагонам, насколько можем восстановить.

— Чернов будет счастлив.

— Возьми его в наблюдатели. Человек должен видеть, за что страдает.

Матвей улыбнулся, но сразу снова наклонился к монитору.

Хроматограф принадлежал прошлому, в котором запчасти приходили в коробках с фирменной лентой. Теперь насос перебрал часовщик, уплотнения мы получили через три города, а на столе стоял бумажный стаканчик с надписью «Не выбрасывать». В стаканчике лежал переходник, без которого вся наша аналитическая мощь превращалась в тяжёлую мебель.

Прибор разделял компоненты смеси. Детектор позволял увидеть сигнал. Дальше началась работа, которую людям со стороны хотелось поручить самому прибору: понять, что именно мы видим, сколько этого вещества в исходном образце и можно ли верить числу.

Мы проверили холостую пробу, калибровку, контрольный материал. Подготовили образец с добавкой известного количества вещества, чтобы оценить, не теряем ли его в ходе обработки. Ни одна проверка не превращала метод в безошибочный. Вместе они показывали, где нам следует насторожиться.

Кира перед уходом задержалась у порога.

— Можно посмотреть?

— Завтра вставать рано, — сказал Матвей.

— Я всё равно не усну.

Он отодвинул второй стул.

Я устроился на подоконнике и принялся объяснять, почему красивый пик ещё не означает окончательного ответа. Кира слушала, обхватив колени. За окном маневровый локомотив подталкивал вагоны к сортировке. В морозном воздухе звук сцепки приходил отчётливо, с короткой паузой после толчка.

— То есть прибор тоже может перепутать? — спросила она.

— Мы можем перепутать то, что он показывает. Похожее время выхода вещества помогает его узнать, но одной такой приметы мало.

— Как человека со спины?

— Примерно. Поэтому смотрим другие признаки и контрольные образцы. А иногда отправляем пробу туда, где возможности лучше.

— Куда?

Хороший вопрос. Раньше я назвал бы три лаборатории. Одна стояла в затопленной части столицы, от второй мы не получали вестей одиннадцать лет. Третья находилась в Кремничах. До них было двое суток по исправной дороге и неопределённое число суток по нашей.

— Попробуем договориться с Кремничами.

Матвей снял очки.

— Сначала закончим здесь.

Он любил возвращать мои мысли к размеру текущего стола.

После одиннадцати картина стала яснее. Подозрение подтвердилось в пределах того, что позволяли наш метод и оборудование. Полученная оценка для исследованной пробы превышала допуск. Параллельные определения не расходились настолько, чтобы объяснить результат случайной ошибкой подготовки.

Я записал вывод, перечитал и заменил «партия не соответствует» на «исследованная проба не соответствует». Решение по партии требовало ещё и оценки того, как именно её отобрали.

Это добавляло несколько слов и несколько часов работы.

Кира прочла через моё плечо.

— А зачем тогда мы столько проверяли, если всё равно не можем сказать про зерно?

— Можем. Только должны сказать ровно столько, сколько узнали.

Она посмотрела на экран.

— Как-то мало.

— Сегодня достаточно, чтобы его не выпускать.

Матвей встал, размял шею.

— Лев, тебе надо домой.

— Ещё протокол.

— Я закончу. Ты утром будешь перечитывать. Желательно глазами.

Я оставил ему замечания и вышел на лестницу. Лампочка на первом этаже мигала. Кто-то подложил под входную дверь свёрнутый рекламный буклет старой сети аптек. Счастливая женщина на обложке предлагала средство от тяжести в ногах.

На улице подморозило. Через реку тянулся свет от машинного зала; на фоне освещённых окон было видно, как медленно движется мостовой кран. Мы вырабатывали электричество даже тогда, когда половина города спала в холодных комнатах. Часть мощности уходила по договору на север, а нарушение договора означало, что весной нам не привезут нужные детали. В этой цепочке не было удобного звена, которое можно было просто вычеркнуть.

Дома Елена сидела на кухне над ведомостью. На столе стояли две тарелки, одна накрыта другой. Я остановился в дверях.

— Хлеб, — сказал я.

Она посмотрела на мои пустые руки.

— Вижу.

— Я забыл.

— Я тоже так подумала. Разогрей картошку.

Пока я ел, она закончила страницу и убрала бумаги в папку. Мы несколько минут говорили о соседском мальчике, который принёс ей заявление о восстановлении трамвая. Под заявлением стояло семь подписей, включая подпись его собаки.

— Собака за какой маршрут? — спросил я.

— До мясокомбината.

— Разумная программа.

Елена засмеялась. Смех у неё был негромкий, чуть охрипший после дня разговоров.

Потом спросила:

— Подтвердилось?

— По новой пробе — да. Утром комиссия получит заключение.

Она опустила взгляд на закрытую папку.

— Я хотела бы, чтобы ты ошибся.

— Я тоже.

За стеной включили воду. Труба загудела, и Елена прислушалась: последние два вечера напор пропадал. Потом снова посмотрела на меня.

— Ты думаешь, они знали?

— Пока не знаю.

Она кивнула. Этот ответ её устраивал больше уверенного обвинения.

— Мне завтра в семь. Ты свет выключишь?

Я убрал тарелки. Полка над мойкой стояла немного криво. Елена поставила на неё только пустую жестяную коробку, как и обещала.

Перед сном я достал из кармана листок Матвея. Три партии, две станции отправления, один поручитель. На обороте он написал: «Архивные пробы — разные даты отбора. Проверить условия хранения. Не считать рост после отбора поставкой».

Я лежал с листком в руках, пока Елена не попросила не шуршать.

Глава 4

Цена допуска

Наутро Чернов встретил нас у склада с лицом человека, которому заранее обещали неприятную работу и сдержали слово.

— Восемь человек, транспортёр и инженер. Ещё что-нибудь?

— Наблюдатель от кварталов, — сказал Матвей.

— Он здесь. Чай пьёт.

Наблюдателем назначили Раю Мельник, управлявшую общественной прачечной. Она знала половину города по фамилиям, вторую половину — по вещам, которые нельзя было кипятить. Увидев меня, она поставила кружку.

— Я предупреждаю: в вашей химии не понимаю.

— Вам не нужно оценивать химию, — сказал я. — Нужно видеть, откуда взяли материал, как подписали и что потом с ним сделали.

— Если что-то не так, говорить сразу?

— Обязательно.

— Даже если вы заняты?

Матвей отвернулся к окну. Я сделал вид, что не заметил.

Зерно перегружали в освобождённый отсек. Приёмные ёмкости и путь движения проверили заранее: смешать спорную поставку с чистым запасом означало бы создать новую задачу раньше, чем мы решили старую. Схему отбора составили до начала работы. Каждая точечная проба получала место в журнале; часть материала шла в объединённые пробы по выделенным участкам, часть сохранялась для проверки неоднородности.

Механик показал Рае ограждение транспортёра и объяснил, куда нельзя подходить. Она слушала внимательнее некоторых моих лаборантов.

Через час мне стало ясно, что быстрых ответов сегодня не будет. Материал требовалось подготовить, разделить, исследовать. Но на стене возле весов я увидел старый график температур и остановился.

На графике оставались карандашные пометки Чернова. Он отмечал замеры в толще зерна, остановки вентиляции и наружную температуру. Рядом висела ведомость расхода электричества. В двух документах одни и те же дни выглядели по-разному: в графике была пустота, в ведомости — образцовая экономия.

— Почему здесь нет измерений?

Чернов подошёл.

— Датчики отказали. Я заявку подавал.

— Когда?

— В конце лета.

Я вспомнил заявку. Пять щупов, кабель, два измерительных блока. Я написал: «Желательно восстановить до закладки». Потом был ремонт больничного стерилизатора, потом перебой с водой. Деньги направили туда.

— А вручную?

— Где достали — мерили. Где не достали — не рисовали.

Я посмотрел на пустые клетки.

— Правильно, что не рисовали.

— Рад, что хоть чем-то угодил.

Матвей перелистывал складской журнал.

— Это по прежним партиям. Новая здесь всего двое суток.

— Знаю.

— У неё другая история хранения.

Он сказал это негромко, без назидания. Я уже начал мысленно связывать наши отключения с результатами по прибывшему зерну. Времени для такой связи не хватало. По архивным образцам вопрос оставался, по новой поставке требовалось искать раньше.

Я сфотографировал график и записал отдельную задачу: проверить условия собственного хранения. Не вместо поставщика. Вместе с ним.

Рая наблюдала за нами.

— А снаружи разве не видно, если оно портится?

Чернов провёл ладонью по металлической стенке.

— Снаружи виден склад.

— Зерно внутри живёт своей жизнью, — добавил я. — Температура может различаться по глубине. Влага перемещается. В одном месте всё выглядит нормально, в другом возникают условия для порчи.

— Так откройте, пусть проветривается.

— Смотря какой воздух пустим и зачем. Можно охладить, можно подсушить, а можно добавить влаги. Это нужно рассчитывать.

Рая посмотрела на график ещё раз.

— И без этих штук вы не знаете, что в середине?

— Знаем хуже, чем должны.

Она велела дать ей копию заявки на ремонт. Чернов ушёл за папкой с таким удовольствием, какого я не видел у него с начала дня.

К полудню первая комиссия собралась в лаборатории. Врач Ирина Веденеева пришла прямо из больницы и пахла зимним воздухом: халат она оставила там. Инженер Ланской принёс логарифмическую линейку, которой пользовался как указкой. Третьей была Рая, уже с двумя страницами замечаний.

Я изложил результаты. Матвей объяснил ограничения метода. Мы показали контрольные измерения и исходные записи Киры, включая неудачную подготовку.

— Это обязательно было показывать? — спросил Ланской.

— Да.

— Они потом скажут, у вас тут сами не умеют.

— Иногда не умеют. Для этого и проверяем.

Ирина читала заключение медленно. В отличие от членов совета, она не пыталась получить из него ответ на вопрос, которого мы не исследовали.

— По этой поставке выпуск не поддерживаю, — сказала она наконец. — По прежним сначала нужна оценка воздействия. Кто получал, сколько, как долго. Жалобы посмотрим, но сами по себе они причину не установят.

Я кивнул.

Ланской спросил, можно ли пустить спорное зерно животным.

— Автоматически нельзя, — ответил я. — Вид животного, уровень загрязнения, назначение продукции. Перевести в корм без оценки — просто сменить получателя риска.

Рая подвинула к нам свою страницу.

— У меня вопрос про отруби. У нас их отдельно выдают. Поставщик тот же?

Мы с Матвеем переглянулись.

— Уточним, — сказал он.

К трём пришёл ответ торговой палаты.

В нём не было ни одного резкого слова. «Контур» выражал готовность участвовать в выяснении обстоятельств. Признавал право города на проверку. Напоминал о необходимости сопоставимых методов, корректного отбора и соблюдения сроков претензионной работы.

В приложении находился проект временного соглашения. Торговый дом предлагал немедленно заместить задержанное зерно другой партией. Цена была выше. В обеспечение требовалось передать дополнительный зимний объём энергии.

Последняя строка ограничивала срок предложения: до утра.

Я отнёс письмо Елене. Она уже читала свою копию.

— Не подписывай, — сказал я.

— Ты ещё не сел.

— Здесь даже нет исходных протоколов. Мы запросили документы, они продают нам замену.

— Они продают срочность. Это разные вещи.

— На зерне, которое сами прислали.

— Поэтому мне и нужны твои доказательства.

Я положил ладони на край стола.

— По новой пробе они есть.

— Для запрета. Для возврата по договору — нужно выдержать процедуру. Для обвинения в умысле — другое. Лев, не складывай всё в одну стопку.

Мне захотелось ответить резко. Я сел.

На её столе стояла старая чашка с отколотой ручкой. Воду в неё наливали только наполовину: выше шла трещина. Рядом лежали предложения по весеннему осушению поймы. Я видел их в прошлом году и позапрошлом. Каждый раз находилось что-нибудь более срочное.

— Сколько земли там можно вернуть? — спросил я.

Она проследила за моим взглядом.

— Не к этой зиме.

— Я понимаю. Сколько?

— По старой оценке — достаточно, чтобы заметно сократить закупки. Если восстановить дренаж. Если есть техника, люди и семена. И если расчёт урожая не врёт.

— Кто считал?

— Агрономы. Один ещё живёт у нас, второй уехал в Кремницы.

— Мне нужна копия.

Елена несколько секунд смотрела на меня.

— Возьми. Только сначала закончи то, ради чего остановил вагоны.

Когда я вышел, в приёмной ждали двое торговых представителей. Один поднялся мне навстречу.

— Лев Андреевич? Мы хотели бы обсудить, что необходимо вашей лаборатории. Оборудование, расходные материалы. Возможно, вопрос решается проще, чем кажется.

Он говорил учтиво, без намёка на угрозу. У него были обветренные руки и уставшие глаза. На столике возле кресла лежала раскрытая сумка с образцами упаковки.

— Через канцелярию, — ответил я. — С перечнем и условиями.

— Конечно.

Я спустился на улицу. У крыльца мальчишка соскребал лопатой лёд, ударяя по одному месту. Под тонким слоем крошки оставалась прежняя гладкая поверхность.

У дверей стоял Сава с двумя пакетами. Один был из распределителя, второй — обычная домашняя наволочка, перевязанная шнуром.

— Принесли, пока вас не было. Говорят, проверить немедленно.

Я посмотрел сопроводительный лист. Время и место отбора не указаны, содержимое пересыпали после нескольких дней на кухне. Для решения о целой поставке такой материал был почти бесполезен. Для человека, который принёс его, — всем оставшимся запасом.

В приёмной сидел мужчина в рабочей куртке. Рядом дремала девочка. Он поднялся, как только увидел меня.

— Я не могу выбросить. Мне нужно знать.

Я объяснил, что мы можем исследовать принесённое, но результат будет относиться к нему, а не ко всем продуктам с похожим названием. Попросил документы о получении. Он достал памятную карточку, на которой было несколько записей разными чернилами.

— Вы опять говорите, чего не можете.

— Потому что не хочу обещать вам лишнее. Вот что можем сейчас: принять с распиской, установить происхождение, проверить по доступным показателям. Про временную замену я свяжусь с распределителем. Решение не только моё.

Он сел обратно.

Пока Сава оформлял материал, девочка проснулась и попросила воды. Я дал стакан. Она пила медленно, глядя на свет в коридоре.

После их ухода я долго смотрел на запись. Люди приносили не просто образцы. Они приносили необходимость выбрать: съесть или отказаться, поверить или искать ещё. Мы отвечали результатом, но за результатом стояло действие, которое им предстояло совершить без меня.

Сава вернулся с распиской.

— Я указал, что пересыпали. Они обиделись.

— Нужная запись. Только объясни, что она не обвинение.

Он кивнул.

Потом я заметил в журнале небольшую приписку его почерком: «Просит сообщить до вечерней смены. После шести на работе, телефон через мастера».

Эта строка не относилась к аналитической методике. Зато делала наш ответ пригодным для человека.

В лаборатории меня ждал Матвей.

— По отрубям документы подняли. И ещё я связался с Кремницами.

— Возьмут пробы?

— Возможно. Им нужно знать, что мы хотим определять.

— Перечень составим.

Он не двигался.

— Что ещё?

— Они спросили, почему мы вторые за неделю задаём такие вопросы.

Я снял перчатки.

— Кто первые?

— Не сказали. Связь оборвалась. У них по расписанию свет.

На моём столе лежало предложение «Контур». Я положил рядом план поймы, затем убрал оба документа подальше от лабораторного журнала.

— Когда следующий сеанс?

— В восемь.

— До восьми начнём проверку отрубей и подготовим перечень. Что у нас с людьми на завтра?

Матвей вынул карандаш.

— Вот с этого и надо было начинать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.